

Глава 2. Именины Цин-ди

Мне не терпилось поделиться добрыми вестями с мелкими демонами, поэтому, улучив момент, когда за мной никто не присматривал, я тайком скользнул в нижний мир.

Шпилька Управления Ветром, подаренная Фэн-бо, оказалась истинным сокровищем: путь в тысячу ли я преодолел в мгновение ока.

Ступив на знакомые серые камни, я поднял взгляд — прямо передо мной чернел зев пещеры Шуйин. Но стоило войти, как я наткнулся на Фэнхуа. Этот паршивый демон предавался плотским утехам с какой-то безвестной древесной нимфой.

Тело соблазненной им девчонки, блестящее от пота, судорожно выгибалось, а Фэнхуа издавал столь сладострастные стоны, что невольно брала оторопь.

«Неужели это и впрямь так приятно?» — я в недоумении почесал затылок.

Хоть подобные сцены за тысячу лет стали для меня привычными, теперь я — личность, вставшая на путь самосовершенствования, а значит, мне надлежало блюсти приличия и не взирать на непотребства.

Сделав шаг назад, я отошел к Пруду изумрудной воды и обнаружил, что все маленькие цветочные духи уже спят.

Лунный свет разливался по воде, дробясь на тысячи серебряных нитей. Холодные струи безмолвно неслись вдаль среди застывших теней деревьев. На каменных плитах, укрытых россыпью гальки, стрекотали лишь сверчки.

Наступила ночь. Видимо, я слишком долго пробыл в Небесном царстве и совсем потерял счет времени.

«Ладно, вернусь завтра», — решил я.

Но стоило мне развернуться, как за спиной, словно из-под земли, вырос Фэнхуа.

— Фэнхуа?

Он впился в меня прекрасным, но холодным взглядом демона персика. Прежде чем я успел опомниться, он схватил меня и с силой толкнул в пруд. Тишина ночи взорвалась всплеском, по воде пошли тяжелые круги.

— Ты с ума сошел?! — взъярился я.

То, что я стал бессмертным, вовсе не означало, что я перестал мокнуть или мерзнуть. Выкарабкавшись на берег, я увидел перед собой его босые ступни, белые, точно драгоценный нефрит. Подняв голову, я встретил ледяной взгляд.

Он смотрел на меня с пылающей ненавистью. Густой и горькой.

Размолвки между нами случались постоянно, поэтому я просто растянулся на траве и, ткнув пальцем в сторону его носа, проворчал:

— Проклятый демон персика! Стоило присесть на берегу, как ты тут же толкаешь меня в воду!

Ненависть в его взоре чуть приутихла, но он по-прежнему хранил молчание.

— Ладно-ладно, я понял, что мне здесь не рады. Уже ухожу.

Я поднялся, отряхивая намокшие одежды, но Фэнхуа вдруг схватил меня за руку. Помедлив, он отвернулся и сухо бросил:

— Зачем ты вернулся?

Я снова почесал затылок и невольно улыбнулся:

— Я пришел рассказать вам потрясающую новость!

— Ты о праздновании именин Цин-ди? — равнодушно спросил он.

Я вытаращил глаза и вцепился в его ладонь:

— Откуда ты узнал?!

Он едва заметно усмехнулся, и в его холодном взгляде что-то дрогнуло.

— Об этом знают все цветочные духи.

Должен признать, когда этот несносный тип улыбался, он становился неопишимо красив. Так было с самого детства. Но мы никогда прежде не разговаривали вот так — спокойно, без ругани.

— Я собираюсь пойти на этот праздник, — объявил я.

Фэнхуа изумленно посмотрел на меня:

— Но я слышал, туда приглашены лишь Старшие бессмертные.

Я гордо задрал подбородок и рассмеялся:

— Разве что-то может остановить Великого бессмертного Ляня? Я найду способ пробраться внутрь! А когда вернусь, обязательно расскажу вам всё в мельчайших подробностях!

Фэнхуа хотел что-то добавить, но лишь плотно сжал губы. Заметив, что он почти наг, я сменил гнев на милость:

— Мне пора. И ты возвращайся в пещеру, на тебе же почти нет одежды, а по ночам здесь всё еще зябко.

— Лянь... — окликнул он меня.

Я обернулся и увидел, что он в странном смятении:

— Что?

— Ничего, — он резко отпустил мою руку и снова замялся, так ничего и не сказав.

Я бросил на него недоуменный взгляд и помахал рукой:

— Ну, я пошел! Ждите меня!

Отлетев на приличное расстояние, я, повинувшись какому-то странному предчувствию, оглянулся. Фэнхуа всё так же стоял на том самом месте, неподвижно глядя мне вслед.

В груди кольнуло странное, необъяснимое чувство.

Четверо стариков во главе с Фэн-бо сдержали слово. Когда мы подошли к Саду Цин-ди, Тайшан Лаоцзюнь подозвал меня и прошептал на ухо:

— Сейчас я превращу тебя в маленькое насекомое. Когда окажешься внутри, не смей издавать ни звука и не смей источать свою ауру, понял?

Я энергично закивал. Да хоть в персик меня превратите, лишь бы попасть внутрь!

Тайшан Лаоцзюнь легонько взмахнул хвостником, и мое тело мгновенно сжалось до размеров крошечного жучка. Затем он осторожно посадил меня на Посох бессмертного персика Шоу-сина.

У самого входа Фэн-бо еще раз строго пригрозил мне взглядом:

— Молчи. Стоит тебе открыть рот, и ты тут же примешь истинный облик.

«Я всё-таки небожитель, неужели я настолько лишен благоразумия?» — обиженно подумал я.

Впрочем, говорить я всё равно не мог, поэтому лишь пошевелил лапками в знак согласия. Так, затаившись на Посохе бессмертного персика, я благополучно миновал стражу и проник в Сад Цин-ди.

Здесь всё благоухало. Повсюду высились изумрудные кроны древних деревьев — говорили, Цин-ди вырастил их собственноручно. Чудесные травы и бессмертные цветы раскрывали свои бутоны, стремясь явить всё свое великолепие в честь праздника своего покровителя.

Присмотревшись, я понял, что даже у этих трав срок самосовершенствования перевалил за десять тысяч лет, но здесь они оставались лишь безмолвными растениями. На их фоне я, младший бессмертный, выглядел невероятно дерзким.

Вокруг клубились жемчужные облака. Старшие бессмертные, наделенные непостижимой силой и истинным изяществом небожителей, чинно обменивались приветствиями. Глядя на их величавые манеры, я невольно вздохнул: «Наверное, мне и за десять тысяч лет не достичь такого уровня».

Я замороженно созерцал окрестности: тонкие кружева тумана, нежно-зеленые шелка листья, свежий аромат весны, лишенный приторности пудры. И вдруг среди этой плывущей изумрудной дымки я увидел его.

Мужчина в одеждах цвета молодой зелени стоял чуть поодаль. Его лицо было безмятежным, а из-под тонких бровей он смотрел сияющим взглядом, в котором, казалось, отражались тысячи плывущих облаков. Взгляд его был глубоким, но поразительно чистым. Когда он улыбнулся, мне почудилось, будто сама природа пробудилась от долгого сна, а в лицо пахнуло теплым весенним ветром.

Я не мог отвести глаз.

Внезапно он посмотрел прямо на меня. В его взоре было что-то до боли знакомое, отчего я окончательно растерялся.

Шоу-син, увлеченный беседой, внезапно повернулся так, что я оказался спиной к незнакомцу. Я попытался переползти на другую сторону Посоха бессмертного персика, но тот человек уже исчез. На душе стало невыносимо тоскливо.

Послышались звуки флейты, разгоняющие туман, раздались трели струн. На облаках пурпурного золота прибыли Юй-ди и Ванму. Празднество началось.

Небожители один за другим подносили дары. Когда очередь дошла до Шоу-сина, я наконец смог разглядеть виновника торжества вблизи. К моему изумлению, Цин-ди оказался тот самый мужчина.

Каждый его жест, каждая улыбка дышали неземным изяществом. А этот взгляд... Я готов был поклясться, что видел его раньше.

Пытаясь рассмотреть его получше, я не удержался на Посохе бессмертного персика и, вскрикнув про себя, кувырком полетел вниз. Я приземлился на спину, беспомощно дрыгая лапками.

Шоу-син побледнел, но не посмел и слова вымолвить.

Цин-ди заметил меня. С мягкой улыбкой он наклонился и кончиками пальцев осторожно поднял оглушенное насекомое, пересадив к себе на рукав.

Я замер, не смея шелохнуться, и лишь украдкой поглядывал на него. Слава небесам, что я сейчас жук, иначе сгорел бы со стыда.

Я устроился на его рукаве, полностью игнорируя полные ужаса взгляды четверых стариков. Он вновь улыбнулся мне — едва заметно, одними глазами — и оставил при себе до самого конца приема. Время от времени он нежно поглаживал меня по спинке, и эти касания были полны невообразимой нежности.

Когда пиршество закончилось и гости разошлись, он осторожно спустил меня на землю. Его голос, чистый и звонкий, точно капли дождя, падающие на лепестки, прозвучал над моей головой:

— Все ушли. Можешь принимать свой облик.

Я с шумом выдохнул и принял человеческий вид. Смущенно ероша волосы, я пробормотал:

— Приветствую Великого Цин-ди...

Он ласково посмотрел на меня:

— Как твое имя?

Я выпрямился и почтительно ответил:

— Младший бессмертный... зовется Лянем.

— Лянь... — задумчиво повторил он.

Вспомнив о главном, я принялся лихорадочно хлопать себя по одежде, пока не нащупал подарок, над которым ломал голову всю прошлую ночь. Не зная, примет ли он такую малость, я протянул ему сверток.

— Это... Господин Цин-ди, примите мои поздравления... Пожалуйста, возьмите это... — я густо покраснел.

Конечно, для такого великого бога это не было сокровищем. Всего лишь капля Нефритового лotosового нектара, которую я копил тысячу лет. Но это было самое ценное, что у меня было. В этот миг я остро почувствовал, насколько я ничтожен по сравнению с ним.

Раздался тихий, мягкий смех. Я несмело поднял взгляд. Он принял мой дар и посмотрел на меня с бесконечной добротой.

— Спасибо тебе, Лянь.

Он назвал меня по имени...

В голове всё перемешалось. Глаза защипало от слез. Откуда это чувство? Почему он кажется мне таким родным и одновременно таким далеким?

Следующие несколько дней я провел у Пруда Цзинмин в саду Небесного чертога, витая в облаках. Мои мысли путались, а в памяти зияла странная пустота. Я был сам не свой.

Я настолько глубоко погрузился в свои грезы, что даже не услышал, как ко мне подошел божественный чиновник. Окружающие бессмертные снова одарили меня презрительными взглядами. Я растерянно моргнул, глядя на чиновника.

Тот молча указал на мои ноги. Оказалось, что, замечтавшись, я опустил их прямо в воды Пруда Цзинмин, где настаивался Нефритовый нектар для богов. Я мгновенно выдернул ноги из воды, но было поздно. Чиновник с ледяным лицом зачитал мне приговор, обвинив в неподобающем поведении и преступной рассеянности.

Я лишь смиренно кивнул. Меня сослали в Персиковый сад за Божественным прудом Циюй — в одиночестве замаливать свои грехи.

<http://bllate.org/book/17534/1700516>